

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (16)

2016

Главный редактор

Член-корреспондент АН РТ Ф.Ш. Хузин

Заместители главного редактора:

доктор исторических наук А.Г. Ситдиков

доктор исторических наук Ю.А. Зеленев

Ответственный секретарь — кандидат ветеринарных наук Г.Ш. Асылгараева

Редакционный совет:**Р.С. Хакимов** — вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)**Х.А. Амирханов** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)**И. Бальдауф** — доктор наук, профессор (Берлин, Германия)**П. Георгиев** — доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)**Е.П. Казаков** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**Н.Н. Крадин** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)**А. Тюрк** — PhD (Будапешт, Венгрия)**И. Фодор** — доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)**В.Л. Янин** — академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)**Редакционная коллегия:****А.А. Выборнов** — доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)**М.Ш. Галимова** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Р.Д. Голдина** — доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)**И.Л. Измайлов** — доктор исторических наук (Казань, Россия)**С.В. Кузьминых** — кандидат исторических наук (Москва, Россия)**А.Е. Леонтьев** — доктор исторических наук (Москва, Россия)**Т.Б. Никитина** — доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)**Ответственный за выпуск:****Б.Л. Хамидуллин** — кандидат исторических наук (Казань, Россия)**Адрес редакции:**

420012 г. Казань, ул. Булterова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru<http://archaeologie.pro>

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»

Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан», 2016

© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2016

© Журнал «Поволжская археология», 2016

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences **F.Sh. Khuzin**

Deputy Chief Editors:

Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Doctor of Historical Sciences **Yu.A. Zeleneev**

Executive Secretary — Candidate of Veterinary Sciences **G.Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:

R.S. Khakimov — Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)

Kh.A. Amirkhanov — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)

I. Baldauf — Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)

P. Georgiev — Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)

E.P. Kazakov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

N.N. Kradin — Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)

A. Türk — PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)

I. Fodor — Doctor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)

V.L. Yanin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:

A.A. Vybornov — Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)

M.Sh. Galimova — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

R.D. Goldina — Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)

I.L. Izmaylov — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)

S.V. Kuz'minykh — Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

A.E. Leont'ev — Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

T.B. Nikitina — Doctor of Historical Sciences (V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue — Candidate of Historical Sciences **B.L. Khamidullin**

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: arch.pov@mail.ru

http://archaeologic.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2016

© Mari State University, 2016

© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

<i>Ситдииков А.Г., Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Мусульманская археология: объем и содержание понятия	8
<i>Беляев Л.А. (Москва, Россия).</i> Исламский восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке	18
<i>Зиливинская Э.Д. (Москва, Россия).</i> Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции	44
<i>Измайлов И.Л. (Казань, Россия).</i> Археология и ислам в Среднем Поволжье в X – первой трети XIII в.: опыт комплексного анализа.....	68
<i>Смагулов Е.А. (Алматы, Казахстан).</i> Застройка центральной площади города Сауран XIV–XVI вв.	93
<i>Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).</i> Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах	120
<i>Кирилко В.П. (Симферополь, Россия).</i> Михраб мечети в Шейх-Кой	138
<i>Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В. (Москва, Россия).</i> Новые исследования на территории Малого городка Болгара	151
<i>Пигарёв Е.М. (Астрахань, Россия).</i> Красноярское городище и его округа.....	164
<i>Волков И.В. (Москва, Россия).</i> Два города в Нижнем Поволжье на карте мира 1457 года.....	182
<i>Баранов В.С., Губайдуллин А.М. (Казань, Россия).</i> О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году	193
<i>Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. (Казань, Россия).</i> Меллятамакское VI селище чияликской культуры.....	219
<i>Макарова Е.М., Ситдииков А.Г., (Казань, Россия), Бочаров С.Г.</i> <i>(Симферополь, Россия).</i> Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСІ раскопа)	244
<i>Белавин А.М. (Пермь, Россия).</i> Золотые височные кольца с уточкой из Пермского Предуралья	260

Критика и библиография

- Хузин Ф.Ш. (Казань, Россия).* Рецензия на книгу: Зиливинская Э.Д.
Архитектура Золотой Орды. Часть 1. Культовое зодчество.
М.; Казань: Отечество, 2014. 228 с.,+220 с., илл. 270

Хроника

- Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдииков А.Г. (Казань, Россия).*
V научный семинар «Междисциплинарные археологические
и естественнонаучные исследования памятников
культурного наследия: Болгар и Свияжск» 278
- Зеленева Ю.А. (Йошкар-Ола, Россия).*
Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931-2000) 285
- Список сокращений 292
- Правила для авторов 293

CONTENTS

Research and publications

<i>Sitdikov, A.G., Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Muslim Archaeology: Scope and Content of the Concept</i>	8
<i>Belyaev L.A. (Moscow, Russian Federation). The Islamic Orient and the Development of Material Culture of Muscovy: Evaluation Methods</i>	18
<i>Zilivinskaya E.D. (Moscow, Russian Federation). Cult Monuments in the Golden Horde: Origin and Tradition</i>	44
<i>Izmailov I.L. (Kazan, Russian Federation). Archaeology and Islam in the Middle Volga Region in 10th – first third of 13th centuries: an experience of a complex analysis</i>	68
<i>Smagulov E.A. (Almaty, Kazakhstan) The Ensemble of the Central Square of Sauran City-Site, 14th – 16th Centuries</i>	93
<i>Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Mosques of Caffa (Kefe) City in 1340–1779</i>	120
<i>Kirilko V.P. (Simferopol, Russian Federation). Mihrab of the Mosque in Sheikh-Coy</i>	138
<i>Belyaev L.A., Elkina I.I., Lazukin A.V. (Moscow, Russian Federation). New Studies on the Territory of Malyi Gorodok on Bolgar Fortified Settlement</i>	151
<i>Pigarev E.M. (Kazan, Russian Federation). Krasny Yar Hillfort and its Environs</i>	164
<i>Volkov I.V. (Moscow, Russian Federation). Two Towns in the Lower Volga Region on the <i>Mappa Mundi</i>, 1457</i>	182
<i>Baranov V.S. (Kostroma, Russian Federation), Gubaidullin A.M. (Kazan, Russian Federation). Some Findings of the Study of Pre-Mongolian Strata of Bolgar Fortified Settlement on Digs CLXXII and CLXXVI in 2012</i>	193
<i>Kazakov E.P., Chizhevsky A.A., Lyganov A.V. (Kazan, Russian Federation). Mellya-Tamak VI Settlement of Chiyalik Culture</i>	219
<i>Makarova E.M., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation), Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation). Postcranial Skeleton Morphology of the Population of Bolgar (by materials from dig CXCI)</i>	244
<i>Belavin A.M. (Perm, Russian Federation). Gold Temporal Rings with a Small Duck from the Perm Cis-Urals</i>	260

Criticism and bibliography

- Khuzin F.Sh. (Kazan, Russian Federation). Book Review: E.D. Zilivinskaya. Architecture of the Golden Horde. Part 1. Cult Monuments. Moscow; Kazan: "Otechestvo" Publ., 2014. 228 p.,+ 220 p., ill.....270*

Chronicle

- Belyaev A.V., Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation). V Scientific Workshop "International Archaeological and Natural Scientific Studies on Cultural Sites: Bolgar and Sviyazhsk".....278*
- Zeleneev Yu.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation). Gherman Fyodorov-Davydov (1931–2000) 285*
- List of abbreviations 292
- Submissions 293

УДК 94(47)+28 (035.3)

**АРХЕОЛОГИЯ И ИСЛАМ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ
В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIII В.: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА**

© 2016 г. И.Л. Измайлов

Статья посвящена проблеме происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье. Данная тема уже более двух столетий привлекает внимание исследователей. В настоящее время нет сомнений в том, что Волжская Булгария была мусульманским государством со значительным распространением ислама среди населения страны. Но остается дискуссионным вопрос о характере и интенсивности этого процесса. Для изучения данного вопроса использовались главным образом нарративные источники. Археологические материалы (в основном погребальные памятники) привлекались спорадически. В данной статье для анализа ситуации привлечен весь имеющийся корпус археологических источников, что позволило сделать ряд важных выводов. Судя по этим данным, ислам был широко распространен среди городского и сельского населения. Никаких следов языческих погребальных обрядов с начала XI в. в Булгарии не зафиксировано. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Ислам среди населения средневековой Булгарии был единственной религией, не считая, видимо, христианских общин, которые жили обособленно. Мусульманская культура составляла неразрывное целое с болгарской археологической культурой.

Ключевые слова: археология, история, Волжская Булгария, ислам, мусульманская культура, средневековый мусульманский город, погребальный обряд, мечети, бани.

Проблема происхождения и распространения ислама в Среднем Поволжье достаточно давно привлекает внимание исследователей. Мусульманская Булгария была одним из ранних средневековых государств Восточной Европы, что резко изменило цивилизационную и конфессиональную ситуацию в регионе, определив на многие века культурное, религиозное и этническое своеобразие Волго-Уральского региона.

До начала широких археологических исследований историки, только изучая письменные данные, получали сведения о социальной и этнокультурной истории Волжской Булгарии. В

современных условиях вполне оправдано максимально широкое использование археологических материалов. Но это не просто некое механическое собрание разнокультурных древностей, как иногда представляется некоторым авторам (см.: Руденко, 2008, с. 16, 55 и др.), а остатки некогда живой культуры, которая имела свои истоки, динамику развития и общие характерные элементы, отличающие ее от окружающих археологических реалий. Все археологические объекты, являющиеся непосредственными ископаемыми остатками культуры населения Волжской Булгарии, объединяются понятием болгарской археоло-

Рис. 1. Карта основной территории Волжской Булгарии.

Fig. 1. Map of the main territory of the Volga Bulgaria.

гической культуры (Измайлов, 2002, с. 488). Поскольку рамки статьи не позволяют развернуть полную аргументацию, отметим, что эта культура имеет все элементы, которыми обычно исследователи характеризуют ту или иную культуру – сплошной и ограниченный ареал памятников, городища (особенности топографии выделяют среди других окружающих культур), единообразный погребальный обряд, единство материальной культуры, включая гончарную круговую посуду, различные типы орудий труда и быта, украшений и деталей костюма, а также предметов вооружения, которые имели общие и единообразные тенденции развития. Территориальные рамки этой культуры довольно четко очерчиваются среди других культур Волго-Уральского региона (см.: Фахрутдинов, 1975; Хлебникова, 1984; Хузин, 2001; 2006), что позволяет с

некоторыми дополнениями использовать эти материалы для комплексного анализа источников (рис. 1).

Особый цивилизационный облик средневековой Булгарии придавало распространение в регионе ислама, который влиял на все стороны жизни населения страны и окружающего региона. Сам этот факт не подвергается серьезным сомнениям, но характер и – главное – интенсивность проникновения ислама во все сферы жизни средневекового населения Среднего Поволжья, искажается или игнорируется. В этой связи возникают серьезные вопросы о возможности системного анализа данных археологии для изучения особенностей распространения религии в средневековом обществе, о соотношении разных традиционных и религиозных элементов в культуре, а также методике комплексного сопоставления данных ар-

хеологии и сведений о региональной конкретике религиозной жизни и законоведческой практике в определенном регионе (опыт подобного анализа см.: Измайлов, 2002а; 2008; 2009).

Все эти вопросы так или иначе уже были поставлены в историко-археологической литературе и получили определенное разрешение, что позволяет остановиться на общей оценке этих выводов и методике анализа.

Сюжеты о появлении и распространении ислама в Среднем Поволжье давно привлекали внимание исследователей. Фактически уже с конца XVIII в., т.е. с начала научного осмысления истории этого региона, характер ислама являлся предметом пристального изучения. Общий ход движения научной мысли можно охарактеризовать как постепенное накопление данных и постепенную эволюцию взглядов от представлений о том, что ислам был распространен только среди элиты общества, к постепенному осознанию широкого распространения ислама в болгарском обществе.

На раннем этапе изучения встречались уникальные мнения, например, о распространении у болгар буддизма и позднем принятии ими ислама. Определенные итоги этим исследования подвел С.М. Шпилевский. Изучив весь комплекс письменных источников и сопоставив его с отрывочными на то время данными археологии, он сделал вывод о распространении ислама и его связи с расселением народов края. «В западной части Казанской губернии, памятников древности гораздо менее, – писал казанский историк, – нежели в восточной. Причина этому понятна... на востоке губернии было господство ислама и мусульманской культуры, на западе господствовало

шаманство и обитали племена, в культурном развитии значительно уступавшие мусульманам» (Шпилевский, 1877, с. 508). С этого времени вопрос об исламе в Поволжье и отношении Булгарии к исламской цивилизации стал немислим без комплексного подхода к данной теме.

Новый этап изучения этой проблемы начался уже в 1930-х гг. С одной стороны, он основывался на анализе новых письменных источников и данных археологии, которая стала бурно развиваться в это время. С другой – в науку стал внедряться классовый и вульгарно-материалистический подход. Использование данных археологии позволило Б.Д. Грекову сформулировать тезис: «Ислам еще долго оставался здесь религией только господствующих классов, народная же масса продолжала пребывать в язычестве» (Греков, 1945, с. 32), который нашел одобрение и подтверждение в доводах А.П. Смирнова (Смирнов, 1951, с. 81–83). Представления о слабом распространении ислама (и только в среде феодальной знати и городской верхушки), а также о наличии значительных пережитков язычества в той или иной мере становятся общим местом советской историографии.

По мере накопления данных археологии стало ясно, что подобная точка зрения требует пересмотра. Этапным в этом отношении следует признать исследования Е.А. Халиковой болгарских мусульманских некрополей и ее историко-археологические выводы о периодах распространения ислама в Булгарии (Халикова, 1986, с. 137–52).

Между тем ряд историков, не пытаясь отвергнуть слишком красноречивые факты по существу, прибегли к практике мелкой детализации или

полного отрицания достижений археологии. Некоторые исследователи поступают еще проще и, игнорируя любые факты, априорно заявляют, что «Ислам как культурное явление пришел в Волго-Камье, по большому счету, только в золотоордынскую эпоху» (Егоров, 2012, с. 15), а значительные группы населения ислам якобы охватил лишь в период Казанского ханства (Каховский, 1983, с. 30; Егоров, 2012, с. 16–17). При этом они ссылаются на свою пристрастную и выборочную характеристику письменных источников.

Примерно так же поступают некоторые археологи. Считая, что письменные источники отрывочны и не отражают всей полноты картины религиозной жизни в Волжской Булгарии, они полагаются на данные археологии. Но сам комплексный анализ они подменяют дисперсным и несистемным привлечением различных фактов. Одним из таких способов является попытка представить некоторые отклонения от «классического» обряда как свидетельство «двоеверия» и «полуязычества» болгар (Газимзянов, 1997, с. 19–22). Другие археологи прямо связывают предметы быта и искусства, в частности, бронзовые шумящие подвески, другие женские украшения и находки круговой керамики с примесью раковины в тесте с наличием среди болгар определенного массива языческого финно-угорского населения (Казаков, 1993, с. 12–22; 2014, с. 230–238; Руденко, 1998, с. 17) или на основе сомнительных интерпретаций данных некоторых прежних раскопок конструируют существование неких «языческих святилищ» на территории Волжской Булгарии в XI–XIV вв.

(Руденко, 2004, с. 36–66). Подробный анализ археологических материалов, которые привели автора к этим насколько сомнительным, настолько же абсурдным выводам, показал их полную источниковедческую беспочвенность, что позволяет считать, что эта гипотеза с точки зрения науки имеет лишь историографический интерес (Хузин, 2010, с. 59–64; Хузин, Хамидуллин, 2013, с. 216–217).

Сколь ни абсурдными являются подобные исторические штудии, они создают видимость некоей дискуссии. Возникает дилемма, когда реальные археологические находки вроде бы противоречат тому, что нам известно по письменным источникам. Теоретические построения марксизма о господстве в народном сознании традиционных верований также дают основания для подобных сомнений. Общую картину размывают представления о том, что археология имеет якобы дело с бесспорными фактами, которые подтверждают поверхностное распространение ислама в Булгарии. Отсюда возникают теории о каких-то значительных группах язычников и поликонфессиональности населения Булгарии. Подобные выводы, однако, требуют серьезной и всесторонней проверки и дополнительной аргументации.

Восточная литература однозначно трактует болгар, как мусульман, а их страну, как относящуюся к исламской цивилизации. Очевидец событий, секретарь багдадского посольства Ибн Фадлан указывал, что кроме ставки Алмышы, где было много мусульман (он даже описывает их погребальный обряд (Ковалевский, 1956, с. 138–140)), был специальный штат духовенства, включая муэдзина (Кова-

левский, 1956, с. 133), существовало довольно много других общин мусульман. Таким образом, можно уверенно сказать, что уже в 910–920-е гг. среди болгар были значительные общины мусульман, причем и болгарская знать во главе с Алмышем приняла новую веру. Характерно относящееся к этой традиции указание на то, что болгары воюют с неверными, т.е. окружающими их язычниками.

В русском средневековом сознании имя волжских болгар было практически неотделимо от понятия «мусульманство» (Измайлов, 1999, с. 69–75). Так, в рассказе об «Учениях о верах» в ПВЛ (в одной из ранних редакций) отмечается, что «приидоша Болгаре веры Бохмице» (НПЛ, 2000, с. 132). В ряде летописей, восходящих, видимо, к владимирской редакции «Повести», вера болгар названа «срачинской» (ПСРЛ, Т. XV, Стл. 77). Это характерно не только для летописных повестей, но и для церковной литературы. Наиболее точно религия болгар определяется в так называемом «Слове об идолах» (Аничков, 1913, с. 380–386), автор пишет, что болгары научились своей религии от «арвитьских писаний», которое «учением дьяволим изобретено» и «Мамеда проклятого срачиньскаго жреца» (Аничков, 1913, с. 384). Неоднократно именуется болгары в летописях как «поганые» или «безбожные» (ПСРЛ, Т. I, стб. 352, 364, 390, 444; ЛПС, 1851, с. 75, 81, 93), что в христианской традиции означало население, придерживавшееся языческих и вообще ложных верований, к которым, например, западноевропейские хронисты относили всех мусульман (Лучицкая, 1994, с. 21). В глазах православных книжников мусульмане были, конечно же, настоящими языч-

никами (то есть людьми, придерживавшимися ложных верований – «погаными») или даже «безбожниками».

Не обошли эту тему и западноевропейские источники (Юлиан, Дж. де Плано Карпини, Г. Рубрук и т.д.). Наиболее яркая характеристика болгар содержится в труде Гильома де Рубрука: «Эти болгары – самые злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» (Путешествия, 1957, с. 119).

Иными словами, все письменные источники указывают, что уже к концу X в. Болгария на международной арене выступала как мусульманская страна, которая была связана множеством торговых, культурных и политических нитей со странами Европы, Средней и Передней Азии, Ближнего Востока. У современников не вызывал никаких сомнений тот факт, что они имеют дело со страной ислама и мусульманским населением.

Не противоречат им, а в значительной степени дополняют и расширяют наши представления данные археологии. Рассмотрение всего комплекса болгарских материалов выявило данные, которые позволяют решить эту дилемму и внести определенность в понимание реального соотношения археологических материалов и данных письменных источников, изучить религиозные представления болгар по археологическим данным. В первую очередь это касается предметов и остатков, характеризующих исламскую субкультуру. Среди них есть предметы, связанные с исламскими странами Средней Азии, Ближнего и Переднего Востоком (металлическая посуда с арабографическими надписями, замки в форме львов и лошадей, поясные накладки, украшения и т.д.)

(Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 128–157, рис. 43, 44, 73, 78, 79) (рис. 2, 3). Археологические источники представляют и более веские доказательства распространения ислама в Булгарии. Из коллекций находок из памятников с территории Булгарии происходят как предметы исламского культа – футляры для хранения молитв (*тумар*), – так и бытовые предметы с арабскими надписями (зеркала, перстни, фрагменты сосудов, в том числе и религиозного содержания) (Казаков, 1985, с. 178–185; Казаков, 1991, с. 128–157, рис. 50, 1–7; Полякова, 1996, с. 176–179, рис. 61, 11–29).

Все эти находки не позволяют сделать однозначный вывод о мусульманстве людей, которые их использовали в силу широкой распространенности данных предметов в Восточной Европе. Тем не менее направленность торговых и культурных контактов более выразительна на «негативном» фоне: в том, какие предметы и находки отсутствуют или единичны – христианские культовые предметы (см.: Пособояринова, 1993, с. 73–78) и находки византийского происхождения (Измайлов, 1992, с. 102–113, рис. 1, 3–4). Иными словами, сами по себе они могут свидетельствовать о давних и устойчивых связях болгар с восточными странами, показывая культурный ареал, чьи культурные достижения и художественные изделия являлись явно более предпочтительными, чем другие.

Многолетние археологические раскопки болгарских памятников позволили выявить и более весомые доказательства распространения ислама в болгарских городах не на уровне бытовых предметов, а на уровне социальной топографии.

Уникальным свидетельством распространения ислама в болгарских городах следует признать открытие единственной в домонгольской Булгарии деревянной и белокаменной мечети на Билярском городище – средневековом городе Биляре (Халиков, Шарифуллин, 1979, с. 21–45) (рис. 4–6). Особое внимание комплекс мечети привлекает своими размерами (деревянная – 44/48 х 30 м и белокаменная – 42 х 26 м), которые в этот период были характерны для больших городских храмовых построек, поскольку обычные квартальные мечети и церкви были гораздо меньше (Яacobсон, 1985, с. 60–61). Парадный характер здания подтверждают расположение в центре города, а также нахождение близ него кирпичной бани (Халиков, 1979, с. 11–20) (рис. 7) и большого городского кладбища с уникальной для Булгарии X в. семейной усыпальницей или мавзолеем с двумя погребенными (Шарифуллин, 1984, с. 65–82) по типу надземной усыпальницы (*макбара*) или полуподземного родового склепа (*сагана*). Датировка этого культового здания (деревянной части – не позднее середины X в., а белокаменной – рубежом X–XI вв.) (Хузин, 1995, с. 56–58) очерчивает время, когда институты ислама заняли центральное положение в структуре города и общественной жизни. Вне всякого сомнения, комплекс этих построек, имеющих явный религиозный характер, является важнейшим свидетельством не только распространения ислама в Биляре в X в., но и становления регулярных исламских институтов, включая мечети, кладбища и соответствующих служителей веры.

Кроме этих зданий с территории средневековой Булгарии X–XIII вв. из-

Рис. 2. Крышка чернильницы. Бронза. XI–XIII вв. МБЦ БГИАМЗ.

Fig. 2. Lid of an ink-pot. Bronze. 11th – 13th centuries (Exhibition at the Museum of Bolgar Civilization. Bolgar State Historical and Architectural Reserve).

вестно восемь кирпичных построек: три на Билярском (рис. 7, 8), видимо, два на Валынском, так называемый «Муромский городок» (Самарская Лука) и по одному на Суварском городище, Кошкиновобимбаевском, так называемом городище «Хулаш» и на Красносундюковском I городище (Смирнов, 1951, с. 246–255; Халиков, 1979, с. 11–20; Семькин, 1993, с. 219–230; Хузин, 2001, с. 278–288). По планировочным особенностям они являлись, скорее всего, общественными банями и их можно условно разделить на два типа: простой (однокамерный) и сложный (многокамерный). Очевидно, что все эти здания служили банями, о чем могут свидетельствовать система водоснабжения, обогрева и тщательно оштукатуренные и покрытые орнаментальной росписью стены, что было характерно для восточных бань. Располагались они как внутри городов (Биляр, Сувар, «Хулаш»,

Красносундюково), так и близ городских стен (Биляр, «Муромский городок»), где, очевидно, являлись частью комплексов построек караван-сараев. Судя по расположению и различиям в планировке, болгарские бани имели различный социальный статус и являлись, возможно, квартальными. Баня в центре Биляра близ комплекса мечети, по-видимому, была вакуфным учреждением, доходы с которого обеспечивали функционирование мечети и, возможно, медресе и госпиталя при ней. Институт подобных вакуфов был весьма характерен и распространен на Ближнем и Среднем Востоке. Само наличие бань во многих городах Булгарии подчеркивает восточный характер болгарского города и городской культуры. В качестве доказательства принадлежности бань именно к исламской цивилизации достаточно ска-

Рис. 3. Замочек в виде лошади. Бронза. XI–XIII вв. МБЦ БГИАМЗ.

Fig. 3. A snap shaped as a horse. Bronze. 11th – 13th centuries (Exhibition at the Museum of Bolgar Civilization. Bolgar State Historical and Architectural Reserve).

зять, что многочисленные раскопки древнерусских городов практически ни в одном из них общественных кирпичных бань не выявили.

Другим важнейшим доказательством широкого распространения ислама в Булгарии может служить распределение костей свиньи среди археологических (остеологических) остатков из памятников Волжской Булгарии. Запрет на употребление в пищу свиного мяса является важнейшей частью сакрального культа. В Коране он повторен неоднократно, характерна, в частности, заповедь из суры «Пчелы»: «Ешьте же то, что даровал вам Аллах дозволенным, благим, и благодарите милость Аллаха, если Ему вы поклоняетесь! Запретил Он вам только мертвечину, кровь, мясо свиньи и то, над чем призывалось имя не Аллаха» (Коран, сура XVI, с. 115–116). Возникновение этого запрета связано с древнейшими семито-арабскими представлениями и обрядовой практикой, а позднее он служил сплочению общины мусульман, связывая ее общими предписаниями и запретами (Шифман, 1984, с. 38–41).

Для болгарских памятников X–XIII вв. характерно практически полное отсутствие костей свиньи. Например, среди остеологических материалов из Билярского городища за время раскопок 1967–1971 гг. (всего обнаружено 9606 костей) их вообще не выявлено, нет костей свиньи и на других памятниках (Петренко, 1976, с. 228–239; Петренко, 1978, с. 124–138). Редкие исключения только подтверждают общее правило. Так, при раскопках центра Билярского городища (1974–1977 гг.) обнаружены отдельные кости свиньи, которые концентрируются

близ усадьбы русского ремесленника (Петренко, 1984, с. 66–69). Высокая статистически представительная выборка материалов и ее поразительная стерильность в отношении костей свиньи, как среди материалов городских, так и сельских поселений, а также факт широкого распространения свиноводства в более ранний исторический период (Петренко, 1984, с. 66–69) в соседних с Волжской Булгарией регионах (Андреева, Петренко, 1976, с. 178–179), позволяют сделать вывод о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаний и запретов ислама.

Другие подобные запреты (употребления вина и т.д.) менее четко и менее выразительно определяются в археологическом материале, хотя можно отметить весьма незначительное количество (примерно 0,1–0,2% всего количества гончарной керамики) находок амфор и тарной посуды, в частности, предназначенной для транспортировки вина (Кочкина, 1999, с. 132–139).

Однако более четкие и наиболее убедительные доказательства широкого и повсеместного распространения ислама на территории Волжской Булгарии предоставляет изучение погребальных памятников Среднего Поволжья. Это не случайно может считаться *ultimo ratio* в споре о широте и всеохватности мусульманской религией населения Булгарии, поскольку само отношение к смерти является фундаментальным для каждой человеческой культуры.

Свидетельства распространения ислама среди населения Волжской Булгарии, так же как и детали представлений о смерти, которые можно почерпнуть из письменных источ-

ников, чрезвычайно доказательны и выразительны. Однако в силу отрывочности и лаконичности этих сведений только на их основании судить о представлениях о смерти средневековых болгар невозможно. Весьма существенно расширяет наши знания по этому вопросу анализ археологических материалов. Изучение средневековых погребальных обрядов позволяет изучить характер представлений о смерти в наиболее концентрированном виде, но только при учете комплексного их анализа и адекватной интерпретации (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Булгарские могильники как археологический источник были скрупулезно и всесторонне проанализированы Е.А. Халиковой, что позволяет опираться на ее выводы по этой проблеме. Мусульманский погребальный обряд населения Булгарии X–XIII вв., по ее данным, можно реконструировать так: глубина могильной ямы до 1 м, могильная камера без ляхда, стенки ямы отвесные или с небольшим наклоном, иногда на дне ямы фиксировался подбой, погребенный был ориентирован головой на запад, запад–северо-запад или запад–юго-запад, иногда умерший хоронился в гробу или деревянном ящике с перекрытием; умерший, как правило, клался в могилу с некоторым поворотом туловища на правый бок, лицом обращенным в сторону Мекки (редко на спине и лицом вверх), руки умершего лежали: правая вдоль тела, левая сдвинута на таз (реже обе вытянуты вдоль тела или полусогнуты), ноги чаще вытянуты (реже согнуты, полусогнуты или одна из них полусогнута). Вещи в погребениях, как правило, отсутствуют, хотя иногда встречаются, но не как

элемент одежды, а, очевидно, как поминальный дар (Халикова, 1986, с. 43–132).

По данным Е.А. Халиковой, данный «классический» обряд выработался не сразу, а в течение определенного времени, но и после его становления встречаются определенные вариации этого канона. Она сделала вывод о начале распространения ислама в Булгарии в конце IX – начале X в., о полной и окончательной победе мусульманской погребальной обрядности в среде горожан в первой половине X в., а в отдельных регионах во второй половине XI в. При этом автором особо подчеркивалось, что с рубежа X–XI вв. языческие могильники на территории Булгарии уже не известны (Халикова, 1986, с. 137–152). Выводы эти в основном выдержали испытание временем и сейчас можно сказать, что расширение источниковедческой базы по материалам булгарских мусульманских могильников лишь подтверждает основные положения работ исследователя.

Изучив значительную группу булгарских мусульманских некрополей Волжской Булгарии, Е.А. Халикова пришла к выводу, что практически только два из обрядов джаназы могут быть сопоставлены с археологическим материалом – выполнение ритуала кыблы, дабы увидеть приход судного дня и восстать из мертвых, и запрет на помещение в могилу вещей, поскольку во время страшного суда ничто не должно мешать человеку и напоминать о мирской жизни – ни одежда, ни вещи, ни помыслы, – и поэтому имеют особое, определяющее значение для выделения мусульманских погребений и даже характеристики степени исламизации населе-

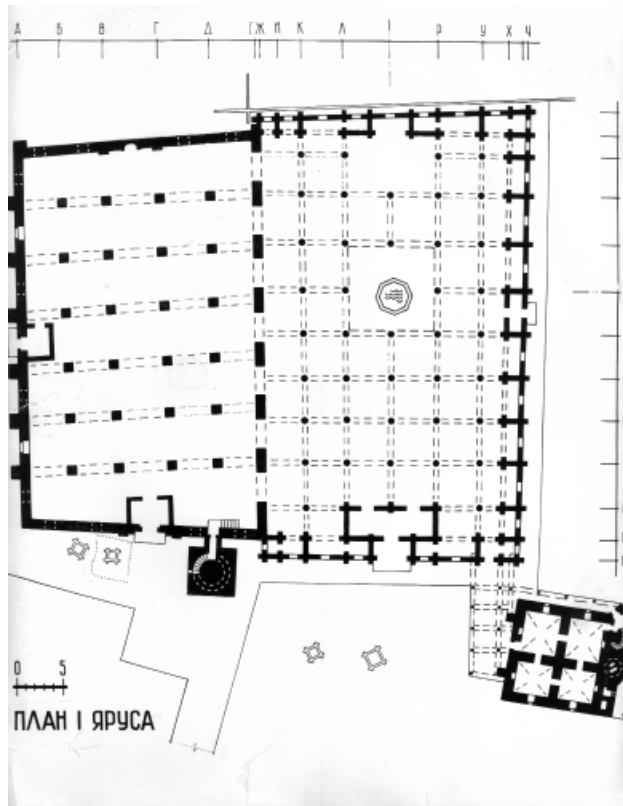

Рис. 4. План мечети в центре Билярского городища
(по Халиков А.Х. и Шарифуллин Р.Ф., 1979)

Fig. 4. Plan of mosque in the center of Bilyar fortified settlement
(after Халиков А.Х. and Шарифуллин Р.Ф., 1979)

ния (Халикова, 1986, с. 44–49).

Представляется, однако, что эти элементы погребальной обрядности имели разный вес в системе джаназы. Первый действительно является определяющим элементом, что, впрочем, не исключает некоторых отклонений от канона как естественного, вызванного особенностями археологизации погребенного (нарушения положения костяка, изменение поворота головы или невозможности в силу разных обстоятельств придать телу каноническую ориентацию, например, когда тело зачехлено без соответствующего обряда и т.д.), так и обрядового (дань традиции, местные вариации канона и т.д.). Второй же пункт

представляется неверным по самой постановке вопроса, поскольку категорического запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках (Торнау, 1850, с. 67–68; Китаб-аль-Джанаиз; Хисматуллин, Крюкова, 1997). Здесь не важно, когда был формально канонизирован запрет и был ли он установлен всегда и везде. В такой постановке вопроса адекватного ответа не получить. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило, но не

Рис. 5. Реконструкция деревянной части мечети. Современный вид. Фото автора.

Fig. 5. Reconstruction of the wooden part of the mosque. Modern view. Photo by the author.

Рис. 6. Реконструкция белокаменной части мечети. Современный вид. Фото автора.

Fig. 6. White stone part of the mosque, reconstruction. Modern view. Photo by the author.

Рис. 7. Реконструкция белокаменной бани. Современный вид. Фото автора.

Fig. 7. White stone bath, reconstruction. Modern view. Photo by the author.

как категорический запрет. При этом надо учитывать, что, с точки зрения мусульман, вещи не были «нечистыми» (*харам*) и не могли осквернить могилы (Торнау, 1850, с. 70–71). Кроме того, судя по характеру находок, большинство вещей попадало не как украшения или детали одежды, а как поминальные дары. При этом разные предметы могли иметь разный смысл, например, накладки на ремень и кольца из одного из погребений Билярского II могильника могли быть деталями ремня, стягивающего саван, а браслет из погребения 239 Танкеевского могильника был надет на руку погребенной (в остальном обряд был исполнен безукоризненно). Разумеется, с точки зрения «высокой» учености и официальной теологии, поминальные дары или украшения являлись отступлением от канонических норм. Однако, с точки зрения этих норм и предписаний, и гробы, и мавзолеи, и надгробия, и поминки, – все то, что являлось или является неотъемлемой частью религиозной культуры, было «наущением дьявола и злостным суеверием», с которыми официальная религия была вынуждена считаться и вести изнурительную борьбу. Все эти обстоятельства заставляют определенно считать, что находки вещей в погребениях, особенно на раннем этапе внедрения исламской обрядности (не только в Поволжье, но и вообще в исламской ойкумене), являются местной особенностью мусульманской джаназы, а не свидетельством «пережитков» язычества.

В настоящее время есть возможность обобщить гораздо больший материал, чем был в распоряжении Е.А. Халиковой, и сделать анализ погребальных обрядов болгар более

комплексным. Всего на территории Волго-Уральского региона насчитывается более 80 грунтовых могильников, из них 52 относятся к концу X–XIII вв. (Измайлов, 2002а; Измайлов, 2008). Мусульманские могильники располагаются практически равномерно по всей территории Волжской Булгарии. Наибольшее количество некрополей известно и изучено в Западном Закамье, где широко исследованы Спасский (Старокуйбышевский) I (40 погребений), Суварский I (> 1), Танкеевский (56), Измерский (50), Кожаевский (144), в Центральном Закамье – Донауровский (> 6), Мурзихинский I (> 9), в бассейне р. Черемшан – Большетиганский II (> 20), в Предволжье – Богдашкинский (4), Тетюшский III (62), в Предкамье – Рождественский (31) и в окрестностях Болгарского (Ага-Базарский (?)) и Билярского (I–V) (352) городищ. Важно, что, хотя и с разной степенью интенсивности, но во всех регионах изучены как городские (Спасский, Суварский, Данауровский, Богдашкинский, Билярские) могильники, так и сельские (Танкеевский, Измерский, Кожаевский, Мурзихинский, Большетиганский, Тетюшский, Рождественский и др.) некрополи. Одновременно заметно определенное количество сомнительных погребений (т.е. зафиксированных недостаточно четко в отношении датировки или деталей обряда) в Центральном Закамье, бассейне р. Черемшан, Предволжье и Предкамье, а также отсутствие достоверных сведений о мусульманских могильниках в Посурье и Примокшанье, где находился большой куст болгарских археологических памятников, что связано, очевидно, со сложностью поиска грунтовых могильников, которые не под-

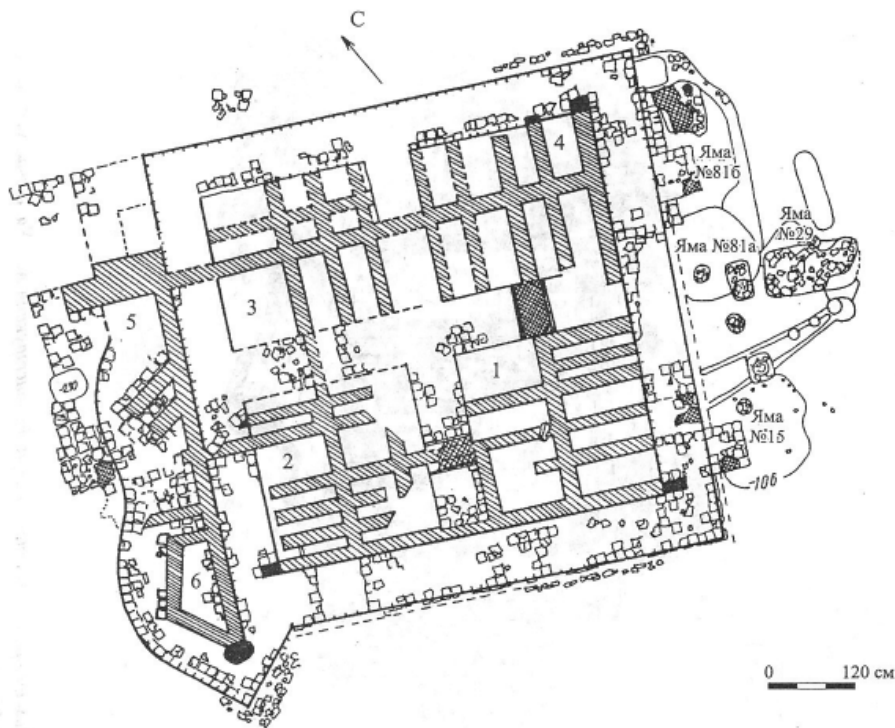

Рис. 8. План кирпичной бани. Билярское городище (По Шарифуллин Р.Ф., 2001)

Fig. 8. Plan of a brick bath. Bilyar fortified settlement (after Шарифуллин Р.Ф., 2001).

вергаются интенсивному разрушению или, наоборот, быстро уничтожаются под антропогенным (строительство, водохранилище) воздействием. Тем не менее большая территориально и социально-топографически разнообразная выборка позволяет сделать вывод о распространенности ислама в Волжской Булгарии в X–XIII вв. и деталях обряда.

Самые ранние погребения с отчетливо выраженным мусульманским обрядом в Волжской Булгарии зафиксированы на Билярском городище (Билярские II и III могильники). Здесь, судя по археологическим данным, они функционировали в первой половине – середине X в. (Халикова, 1976, с. 113–121; Халикова, 1986, с. 68–76, 88–93). Мусульманские могильники на Билярском городище располага-

лись не только по окраинам города, но и в центре городища, где был открыт и исследован Билярский IV могильник (Халикова, 1979, с. 114–118; Шарифуллин, 1984, с. 65–82). Установить достаточно точную дату этого некрополя позволяет то, что ранняя часть его погребений была перекрыта строительным горизонтом белокаменной мечети, возведенной, как показывают исследования, не позднее конца X – начала XI в., что позволяет отнести начало функционирования этого центрального (?) городского кладбища к первой половине – середине X в. (Хузин, 1995, с. 58, 59).

Характерными чертами обряда самых ранних из известных мусульманских городских некрополей являются: ориентировка головой на запад, запад–северо-запад или северо-запад

Рис. 9. Мусульманские погребения Спасского (Старокуйбышевского) могильника (раскопки автора, 1987).

Fig. 9. Muslim burials of Spassky (Stary Kuybyshev) burial ground (excavations led by the author, 1987).

(единично встречена даже юг–юго-восточная); «классическая» поза с соблюдением обряда кыблы, – но в ряде случаев (30–38%) они были погребены на спине, а иногда (в 5–10% случаев) лицом вверх; кроме обычного положения рук (правая – вдоль тела, левая – на тазе) (до 60–75% случаев) они были или полусогнуты и сложены на груди, или вытянуты вдоль тела; в некоторых погребениях были зафиксированы вещи (3–4% случаев) (Халикова, 1986, с. 43–100).

Отсюда можно сделать вывод, что ислам начал распространяться в Булгарии в период становления раннегородских поселений. Сравнение начального этапа истории городов с датой начала функционирования таких некрополей, как Билярские II, III и IV, показывает, что они возникли археологически одновременно. Это должно означать, что появление городов, городской культуры и распро-

странение ислама в них происходили в один и тот же период, а горожане в подавляющем большинстве были мусульманами. Чрезвычайно выразителен в этом отношении IV Билярский могильник, представляющий собой археологические остатки центрального городского кладбища. Само место его расположения, близ «святого места» у городской мечети, наличие золотой подвески в одном из погребений, наличие в его черте мавзолея (единственного пока исследованного на территории домонгольской Булгарии), – все это свидетельствует о нерядовом характере могильника. Скорее всего, это было центральное городское кладбище булгарской элиты.

Для сельской округи однозначных доказательств времени возникновения могильников практически нет. Исключение, очевидно, может составлять исследованное Е.П. Казаковым единственное погребение разрушен-

ного Девичьегогородского I могильника, которое, вероятно, следует датировать серединой – второй половиной X в. Другие сельские некрополи, в силу особенностей топографии (в стороне от поселения) и стратиграфии (редкое перекрытие могил более поздними слоями), могут быть датированы только широким хронологическим отрезком, как правило, второй половиной X – серединой XIII в. Несколько иначе обстояло дело с могильниками, начинавшими функционировать как языческие кладбища, а позднее в ходе исторического процесса превратившимися в ортодоксальные мусульманские некрополи. Археологически изучены два таких могильника – Танкеевский и Тетюшский (Халикова, 1986, с. 36–66; Казаков, 1992, с. 87–108). Анализ погребального обряда позволяет проследить общую картину внедрения ислама в среду отдельных групп населения и выяснить механизм обращения и обрядовую практику нефитов. Первые предметы, связанные с исламом (перстень с каменной вставкой с вырезанной арабской надписью религиозного содержания), появляются в погребениях Танкеевского могильника на рубеже IX–X вв. (Казаков, 1985, с. 179–182), но отдельные погребения с явно выраженными элементами исламской обрядности (положение костяка, ориентация на Мекку, редкие вещи в погребении) начинают распространяться только во второй половине X в., причем захоронения эти были частично совершены в рядных (расположенных рядами) могилах, чересполосно с языческими. Но к рубежу X–XI вв. языческая обрядность полностью уступает место мусульманской. Принятие новой религии населением, оставившим этот

могильник, заняло, таким образом, исторически довольно краткий период: время жизни двух-трех поколений. Погребения на Тетюшском могильнике совершались не такой длительный отрезок времени, как на Танкеевском, но и они демонстрируют, что первые мусульманские захоронения были совершены еще на языческом кладбище во второй половине X в., а к началу XI в. исламский обряд полностью вытесняет языческий (Халикова, 1986, с. 59–66; Казаков, Халикова, 1981, с. 21–35).

Характерными особенностями мусульманских погребений этих двух могильников является их традиционность, выразившаяся в определенном сходстве языческих и ранних мусульманских погребений (сравнительно большая глубина могильных ям (0,6–1 м и глубже), ориентировка умершего головой на запад (с отклонениями в секторе от северо-запада до юго-запада), положение погребенного (до 30% всех прослеженных случаев), наличие вещей (до 7% всех мусульманских погребений). Вместе с тем значительная группа захоронений совершена согласно требованиям новой обрядности выполнения кыблы: положение умершего головой на запад, лицом к югу (к Мекке), тело чуть повернуто на правый бок (около 63% всех случаев), руки вытянуты (47%) или правая – вдоль тела, а левая – на тазе (43%), ноги вытянуты (70%) (Халикова, 1986, с. 54–59, 82).

Сравнивая даты мусульманских погребений из этих могильников с установленным временем совершения мусульманских захоронений в городских некрополях Болгарии, нельзя не прийти к выводу об их большей традиционности и консервативности.

Поскольку, судя по археологическим данным, ислам уже ко второй половине X в. был сравнительно широко распространен в городах и даже сельской округе, то, очевидно, что население, оставившее Танкеевский и Тетюшский могильники, находилось на периферии социально-политической и этнокультурной жизни болгарского общества.

Одно обстоятельство из истории этих могильников вызывает особый интерес. В них довольно много разграбленных языческих погребений (особенно велико их число в Танкеевском могильнике, где из 1171 погребения полностью или частично разрушено 691) (Казаков, 1992, с. 89). Не является ли это свидетельством раскола в обществе? Предки в родовом обществе всегда считались членами общины, причем, если не более значимой, то всегда почитаемой и отдельной его частью. Глубокие изменения, привнесенные в жизнь общины исламом, явно заметны в отношении к умершим. После обращения в ислам предки стали считаться язычниками, погрязшими в своем невежестве, которые должны были понести заслуженную кару. Эти соображения наталкивают на мысль о целенаправленном ритуальном уничтожении, «вторичном умерщвлении» родственников, совершаемом ради демонстративного разрыва с прошлыми поколениями единоплеменников при переходе в новую мусульманскую общину, где все мусульмане – родственники, а не мусульмане – чужие. При этом часть родственников продолжала сохранять связь со своими предками, часть вторично хоронила умерших в соответствии с нормами ислама (выполнение кыблы), а третьи – просто ритуально

уничтожали их? Как бы то ни было, но определенное «запаздывание» исламизации общин, оставивших Танкеевский и Тетюшский могильники, свидетельствует о более позднем включении их в социальную структуру болгарского государства и, несомненно, этнополитическую и этнокультурную общность болгар, именно как мусульман.

Свидетельством этого является доминирующий с рубежа X–XI вв. и вплоть до середины XIII в. исключительно мусульманский погребальный обряд, который зафиксирован на всех могильниках с территории Булгарии (Халикова, 1986, с. 108–133). Исламская обрядность распространилась не только вширь (мусульманские могильники, судя по нашим данным, открыты и изучены во всех регионах Булгарии), но и вглубь (мусульманский погребальный обряд болгарского населения устоялся и приобрел единообразные «канонические» формы). Действительно, на всей территории Булгарии повсеместно был установлен и утвердился довольно единообразный обряд: погребение в неглубокой (обычно до 1 м) могиле, погребенный укладывался головой на запад или запад–северо-запад, лицом на юг (на большинстве могильников до 100% всех случаев), чуть повернуто на правом боку (реже на спине), руки обычно уложены: правая вдоль тела, а левая на тазе, ноги вытянуты или полусогнуты. Умерший часто хоронился в гробу (от 40 до 50% случаев). Вещи в погребении отсутствуют, по крайней мере, в отличие от X в., таких случаев с начала XI в. и до второй половины XIII в. не отмечено (Измайлов, 2008, с. 4–41).

Говоря о «классичности» и «ка-

ноничности» мусульманского погребального обряда у болгар, нельзя понимать его как заранее известный результат, к достижению которого стремились все истинно верующие. Скорее, его надо трактовать как процесс, как направление развития – постепенную адаптацию и сближение норм ислама с традиционными поминально-погребальными обрядами (Измайлов, 2002а, с. 60–69). На основе взаимодействия различных обрядов и практик шла выработка наиболее органично отвечавших местной традиции погребальных обрядов, норм и канонов. И, разумеется, если этому обряду и следовали некоторые группы мусульман, находившиеся в сфере политического и культурного влияния Булгарии, например, в Нижнем Поволжье, то это не было каноном для мусульман Средней Азии или Крыма. Иными словами, болгары в течение определенного времени выработали довольно строгий канон погребальной обрядности, придерживаясь основных исламских правил и установлений, хотя это и не означало, что такой обряд должен был быть всегда и у всех мусульман Восточной Европы. Ярким свидетельством этого являются изменения, которые произошли в мусульманском погребальном обряде у болгар в период Улуса Джучи.

Следует, однако, подчеркнуть, что в случае с Волжской Булгарией произошла не просто адаптация ислама к местным нормам. Был выработан свой канон, который через определенное время был внедрен по всем мусульманским общинам, а фактически – по всей стране. Подобная система установления норм законоведческой практики была бы невозможна без ее поддержки государственной властью.

Причем эти правила распространялись по всей стране, очевидно, не просто через систему мусульманских учебных заведений, а при полной поддержке всей мощи государственного аппарата и военно-служилого сословия. Это позволяет сделать вывод не только о силе и сплоченности болгарской элиты, но и о ее стремлении сплотить подданных посредством строгих религиозных норм и установлений. В этой среде возникли и развивались представления о своем «пограничном положении» как защитниках «Стены Искандера» и связи мощи и благосостояния страны со строгим следованием установлениям ислама (Измайлов, 2000, с. 99–105). В этой связи понятно, что подобные ревнители веры просто не могли бы допустить существования языческого населения внутри государства, а стремились бы к активному распространению ислама за пределы своей страны, о чем сообщают нам письменные источники.

Археологические материалы убедительно свидетельствуют, что на территории Булгарии не было сколько-нибудь значительного иноконфессионального населения, кроме купцов и дипломатов, а язычников не было вообще. Представления о существовании некоего массива языческого «финно-угорского» населения следует считать ошибочным, основанном на манипулировании некоторыми видами археологических находок, в первую очередь украшениями, которые, очевидно, не несли ни этнокультурной, ни конфессиональной нагрузки, а их распространение являлось результатом господствовавшей тогда своеобразной моды. Археологические признаки болгарской мусульманской культуры выявляются довольно четко

и представлены всеми категориями материала, которые можно коррелировать с данными письменных источников – система поселений с центрами в виде городищ, на части которых выявлены монументальные постройки, имеющие прямые аналогии в архитектуре исламских стран (мечети, бани), которые определяют внутреннюю топографию и структуру данных поселений; погребальные памятники, прямо указывающие на следование населением, их оставившим, мусульманским поминально-погребальным обрядам (джаназа); комплекс находок с болгарских памятников полностью совпадает с запретами, которые практикуются в исламе (т.е. в нем отсутствуют остатки, соответствующие запретам ислама). Особо следует подчеркнуть, что весь этот комплекс материалов болгарской археологической культуры резко отличается от

«образа культур» окружающих народов и по структуре поселений, и могильников, и по составу находок. Он со всей убедительностью показывает, что население Булгарии не просто следовало общим нормам исламского правоведения, но выработало свои, гораздо более строгие, каноны и правила, нежели в целом ряде мусульманских стран средневекового Востока, что выявлено в отношении пищевых запретов и поминально-погребальных обрядов. Феномен подобного жесткого и последовательного следования выработанным нормам мусульманского законоустановления в Булгарии еще предстоит полностью осмыслить (Измайлов, 2000; 2002а, 2008; Хузин, Хамидуллин, 2013) и, сопоставив с комплексным анализом письменных источников, понять, как он коррелирует со структурой болгарской элиты и самой государственностью Булгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 137–189.
2. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. СПб., 1913. 386 с.
3. Газимзянов И.Р. О некоторых элементах в погребальной практике волжских болгар X–XV вв. // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Материалы Всерос. научно-практич. конф. Секция археологии / Ред. П.Н. Старостин, С.Ю. Измайлова. Казань: Изд-во ГОМ РТ, 1997. С. 19–22.
4. Греков Б.Д. Волжские болгары в IX–X веках // ИЗ. 1945. № 14. С. 3–37.
5. Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей. От конфессионального к этнонациональному. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 51 с.
6. Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Булгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Путь из Булгара в Киев / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. С. 102–113.
7. Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и болгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто / Отв. ред. Е.А. Мельникова. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 69–75.
8. Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 / Отв. ред. Л.В. Столярова, Е.А. Мельникова. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
9. Измайлов И.Л. Булгарская культура // Татарская энциклопедия: в 5 томах / Гл. ред. М.Х. Хасанов. Т. I: А–В. Казань: Изд-во ИТЭ, 2002. С. 488.

10. *Измайлов И.Л.* К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002а. С. 60–69.
11. *Измайлов И.Л.* Мусульманин на пороге вечности: представления о смерти и особенности джаназы в Волжской Булгарии // Минбар (Казань). 2008. Вып. 1. С. 4–41.
12. *Измайлов И.Л.* Предметы мусульманского культа в археологической культуре Волжской Булгарии // Наследие ислама в музеях России: пространственные границы и образы: Материалы науч.-практич. конф. 10–11 декабря 2008 г. / Отв. ред. Г.Р. Назипова. Казань: РИЦ «Школа», 2009. С. 47–56.
13. *Китаб ал-Джанаиз.* Смерть и похороны по ханафитскому фикху. Казань: Иман, 2000. 49 с.
14. *Казаков Е.П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. № 4. С. 178–185.
15. *Казаков Е.П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
16. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
17. *Казаков Е.П.* О языческой культуре волжских болгар (по археологическим данным) // Под ред. А.Х. Халикова, Г.Ф. Валиевой-Сулеймановой. Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993 С. 12–22.
18. *Казаков Е.П.* Хронология древностей Волжской Болгарии в системе средневековых миграций Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 222–241.
19. *Казаков Е.П., Халикова Е.А.* Раннеболгарские погребения Тетюшского могильника // Из истории ранних болгар / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1981. С. 21–35.
20. *Каховский Б.В.* О язычестве волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии / Отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары, 1983. С. 26–42.
21. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 256 с.
22. Коран / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Вост. лит, 1990. 727 с.
23. *Кочкина А.Ф.* Причерноморско-средиземноморские связи Волжской Булгарии в X – начале XIII вв. // Международные торговые пути и города Среднего Поволжья IX–XII вв. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИИ АН РТ, 1999. С. 132–139.
24. Летописец Переяслава Суздальского (ЛПС). М., 1851. 113 с.
25. *Луцицкая С.И.* Араб глазами франка (Конфессиональный аспект восприятия мусульманской культуры) // Одиссей. Человек в истории. 1993 / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1994. С. 19–37.
26. *Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.* Надписи на металлических изделиях // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 293–304.
27. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
28. *Петренко А.Г.* Изучение костных остатков животных из раскопок Билярского городища в 1967–1971 гг. // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 228–239.
29. *Петренко А.Г.* Билярские остеологические материалы из раскопок 1974–1977 гг. // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 124–138.
30. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.
31. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.

32. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 154–268.
33. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
34. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Наука, 1965. 504 с.
35. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Географгиз, 1957. 272 с.
36. Руденко К.А. К вопросу о взаимодействии болгар с поволжскими и прикамскими финнами в XII–XIV вв. (по материалам селищ) // *Finno-Ugrica*. 1998. № 1(2). С. 15–29.
37. Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.
38. Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.
39. Семькин Ю.А. Исследование бани на I Красносуюндюковском городище // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1993. С. 219–230.
40. Смирнов А.П. Волжские булгары / Тр. ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 273 с.
41. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб.: Типография II отд. Соб. Е.И.В. Канц., 1850. 632 с.
42. Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
43. Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья / Под ред. А.Х. Халикова. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 11–20.
44. Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 21–45.
45. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX – X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.
46. Халикова Е.А. Билярские некрополи // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 113–168.
47. Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 39–59.
48. Халикова Е.А. О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой истории Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 205–211.
49. Халикова Е.А. IV Билярский некрополь // Новое в археологии Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1979. С. 114–118.
50. Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: Изд-во КГУ, 1986. 160 с.
51. Хисматуллин А.А., Крюкова В.Ю. Смерть и похоронный обряд в исламе и зороастризме. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. 272 с.
52. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.
53. Хузин Ф.Ш. Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра – Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 223 с.
54. Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: Мастер Лайн, 2001. 480 с.

55. Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария (VIII – начало XIII в.). Казань: «Фолиантъ», 2006. 583 с.

56. Хузин Ф.Ш. О распространении ислама среди булгар (по археологическим источникам) // Проблемы археологии и истории Татарстана. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. С. 59–64.

57. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Еще раз о соотношении язычества и ислама в домонгольской культуре Волжской Булгарии // Филология и культура. 2013. № 1. С. 214–221.

58. Шарифуллин Р.Ф. Исследования IV Билярского могильника в 1979 году // Археологические памятники Нижнего Прикамья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 65–82.

59. Шифман И.Ш. О некоторых установлениях раннего ислама // Ислам. Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич, С.М. Прозоров. М.: Наука, 1984. С. 36–43.

60. Шпилевский С. М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. Имп. ун-та, 1877. 611 с.

61. Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л.: Наука, 1985. 170 с.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

ARCHAEOLOGY AND ISLAM IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN 10TH – FIRST THIRD OF 13TH CENTURIES: AN EXPERIENCE OF A COMPLEX ANALYSIS

I.L. Izmailov

The author addresses the origin and spread of Islam in the Middle Volga area. This topic has attracted attention of researchers for more than two centuries now. Presently, there is no doubt that the Volga Bulgaria was a Muslim state, and that Islam got widely spread among the local population. However, the character and intensity of this process is still under discussion. The author primarily uses narrative sources to study this issue, while archaeological evidence (funerary sites, mainly) were used sporadically. He analyzes the entire corpus of archaeological sources to study the situation, which allows him to make a few very important conclusions. Judging by these data, Islam was widely spread among the urban and rural population. There is no documented trace of any pagan funerary rite in the Volga Bulgaria since early 11th century. So, the idea of a massive pagan “Finno-Ugric” population here should be considered a mistake caused through manipulation of some archaeological finds, adornments first of all, which, obviously, did not have any ethnic-cultural or confessional meaning, and their spread was due to a particular fashion of the time. Islam was the only religion in the medieval Bulgaria, maybe with the exception of some isolated Christian communities. Thus, the Muslim culture was inseparably associated with the Bulgarian archaeological culture.

Keywords: archaeology, history, Volga Bulgaria, Islam, Muslim culture, medieval Muslim city, funerary rite, mosques, baths.

REFERENCES

1. Andreeva, E. G., Petrenko, A. G. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 137–189 (in Russian).

2. Anichkov, E. V. 1913. *Iazychestvo i drevniaia Rus' (Paganism and Ancient Rus')*. Saint Petersburg (in Russian).
3. Gazimzianov, I. R. 1997. In Starostin, P. N., Izmailova, S. Yu. (eds.). *Gumanisticheskie traditsii Zapada i Vostoka v muzeinom dele Rossii i Tatarstana (Humanistic Traditions of Occident and Orient in the Museology of Russia and Tatarstan)*. Kazan: State United Museum of Republic of Tatarstan, 19–22 (in Russian).
4. Grekov, B. D. 1945. In *Istoricheskie zapiski (Historical Notes)* 14, S. 3–37 (in Russian).
5. Egorov, N. I. 2012. *Dinamika formirovaniia natsional'nykh kontseptsii identichnosti u tatar i chuvashei. Ot konfessional'nogo k etnonatsional'nomu (Development of the Tatars' and Chuvashes' National Identities: from the Confessional to the Ethno-National)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities (in Russian).
6. Izmailov, I. L. 1992. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Put' iz Bulgara v Kiev (The Way from Bulgar to Kiev)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 102–113 (in Russian).
7. Izmailov, I. L. 1999. In Mel'nikova, E. A. (ed.). *Vostochnaia Evropa v drevnosti i sredne-vekov'e. Kontakty, zony kontaktov i kontaktnye zony (Eastern Europe in the Antiquity and Middle Ages. Contacts, Zones of Contacts and Contact Zones)*. Moscow: Institute for Universal History, Russian Academy of Sciences, 69–75 (in Russian).
8. Izmailov, I. L. 2000. In Stoliarova, L. V., Mel'nikova, E. A. (eds.). *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1998 (The Earliest States of Eastern Europe: 1998)*. Moscow: "Nauka" Publ., 99–105 (in Russian).
9. Izmailov, I. L. 2002. In Khasanov, M. Kh. (ed.). *Tatarskaia entsiklopediia (Tatar Encyclopaedia)* I. Kazan: Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, Institute for the Tatar Encyclopaedia, 488 (in Russian).
10. Izmailov, I. L. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 60–69 (in Russian).
11. Izmailov, I. L. 2008. In *Minbar (Kazan) (Minbar (Kazan))* 1, 4–41 (in Russian).
12. Izmailov, I. L. 2009. In Nazipova, G. R. (ed.). *Nasledie islama v muzeiakh Rossii: prostranstvennye granitsy i obrazy (Islamic Heritage in the Museums of Russia: Spatial Borders and Images)*. Kazan: "Shkola" Publ., 47–56 (in Russian).
13. *Kitab al-Dzhanaiz. Smert' i pokhorony po khanafitskomu fikkh (Kitab Al-Jana'iz: Death and Funeral in Hanafi Fiqh)*. 2000. Kazan: "Iman" Publ. (in Russian).
14. Kazakov, E. P. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 178–185 (in Russian).
15. Kazakov, E. P. 1991. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizovii Kamy (10th – 13th Century Bulgar Village in the Lower Kama Region)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
16. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
17. Kazakov, E. P. 1993. In Khalikov, A. Kh., Valieva-Suleimanova, G. F. (eds.). *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosviazi (Culture and Art of the Tatar People: Origins, Traditions, Interrelations)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Tatarstan Academy of Sciences, 12–22 (in Russian).
18. Kazakov, E. P. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (3), 222–241 (in Russian).
19. Kazakov, E. P., Khalikova, E. A. 1981. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii rannikh bulgar (From the History of Early Bulgars)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–35 (in Russian).
20. Kakhovskii, B. V. 1983. In Kakhovskii, V. F. (ed.). *Novye issledovaniia po arkheologii i etnografii Chuvashii (Recent Studies on the Archaeology and Ethnography of Chuvashia)*. Cheboksary, 26–42 (in Russian).
21. Kovalevskii, A. P. 1956. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg. (Ibn-Fadlan's Book on His Journey to the Volga in 921–922)*. Kharkov: Kharkov State Univer-

sity (in Russian).

22. Koran (Qur'an). 1990. / Krachkovsky, I. Y. (trad. and comments). 2nd ed. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

23. Kochkina, A. F. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vv. (International Trade Routes and the Towns of the Middle Volga Area in 9th–12th Centuries)*. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 132–139 (in Russian).

24. *Letopisets Pereiaslavlia Suzdal'skogo (Chronicle of Pereiaslavl near Suzdal)*. 1851. Moscow (in Russian).

25. Luchitskaia, S. I. 1994. In Gurevich, A. Ya. (ed.). *Odissei. Chelovek v istorii. 1993 (Odysseus: Man in History, 1993)*. Moscow: "Nauka" Publ., 19–37 (in Russian).

26. Mukhametshin, D. G., Khakimzianov, F. S. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Tatarstan Academy of Sciences, 293–304 (in Russian).

27. *Novgorodskaiia Pervaia letopis' starshego i mladshogo izvodov (Novgorod First Chronicle of the Early and Late Versions)*. 2000. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) 3. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

28. Petrenko, A. G. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 228–239 (in Russian).

29. Petrenko, A. G. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 124–138 (in Russian).

30. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhitovnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Poluboiarinova, M. D. 1993. *Rus' i Volzhskaiia Bulgariia v X–XV vv. (Rus' and Volga Bulgaria in 10th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Poliakova, G. F. 1996. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (Town of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Tatarstan Academy of Sciences, 154–268 (in Russian).

33. *Lavrent'evskaiia letopis' (Laurentian Codex)*. 1997. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury" Publ. (in Russian).

34. *Rogozhskii letopisets. Tverskoi sbornik (Rogozhskoe Chronicle. Tver Collection)*. 1965. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) XV. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

35. *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. 1957. Moscow: "Geografiz" Publ. (in Russian).

36. Rudenko, K. A. 1998. In *Finno-Ugrica* 1(2), 15–29. (in Russian).

37. Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurt Institute for History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

38. Rudenko, K. A. 2008. *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii. Istoriografiia i istoriia izucheniia (X–XX vv.) (Archaeology of the Volga Bulgaria: Historiography and History of Studies (10th — 20th Centuries))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

39. Semykin, Yu. A. 1993. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh'e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 219–230 (in Russian).

40. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

41. Tornau, N. E. 1850. *Izlozhenie nachal musul'manskogo zakonovedeniia (Elementary Muslim Jurisprudence: an Overview)*. Saint Petersburg: Typography of the Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery (in Russian).

42. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territorii (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

43. Khalikov, A. Kh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 11–20 (in Russian).

44. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–45 (in Russian).

45. Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazыchnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

46. Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).

47. Khalikova, E. A. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz istorii kul'tury i byta tatarskogo naroda i ego predkov (From the History of Culture and Everyday Life of Tatar People and its Ancestors)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 39–59 (in Russian).

48. Khalikova, E. A. 1978. In Kozenkova, V. I., Krasnov, Yu. A., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoї istorii Vostochnoi Evropy (Issues of the Ancient and Medieval History of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 205–211 (in Russian).

49. Khalikova, E. A. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 114–118 (in Russian).

50. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X — nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th — early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

51. Khismatullin, A. A., Kriukova, V. Yu. 1997. *Smert' i pokhoronnyi obriad v islame i zoroastrizme (Death and Funerary Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).

52. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bulgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Issue of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

53. Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Issues of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

54. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X — nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th — Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

55. Khuzin, F. Sh. 2010. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Problemy arkheologii i istorii Tatarstana (Issues of Archaeology and History of Tatarstan) 2*. Kazan: Ministry of Education and Science of Republic of Tatarstan, 59–64 (in Russian).

56. Khuzin, F. Sh. 2006. *Rannie bulgary i Volzhskaia Bulgariia (VIII — nachalo XIII v.) (Early Bulgars and Volga Bulgaria (8th — Early 13th Centuries))*. Kazan: "Foliant" Publ. (in Russian).
57. Khuzin, F. Sh., Khamidullin, B. L. 2013. In *Filologiya i kul'tura (Philology and Culture)* (1), 214–221 (in Russian).
58. Sharifullin, R. F. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of the Lower Kama Region)*. Kazan: G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).
59. Shifman, I. Sh. 1984. In Griaznevich, P. A., Prozorov S. M. (eds.). *Islam. Religiiia, obshchestvo, gosudarstvo (Islam: Religion, Society, State)*. Moscow: "Nauka" Publ., 36–43 (in Russian).
60. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoj gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan Imperial University (in Russian).
61. Jakobson, A. L. 1985. *Zakonomernosti v razvitii srednevekovoi arkhitektury (Regularities in the Evolution of the Medieval Architecture)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Izmaylov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

Статья поступила в номер 27.02.2016 г.